

УДК 94(=112.2)(470.44).084.6:323.1

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует сопротивление немецких крестьян Саратовского Поволжья агрессивной принудительной коллективизации, проводившейся советским коммунистическим руководством на рубеже 1920–1930-х гг. Показаны различные формы сопротивления вплоть до вооруженного восстания, которое произошло в селе Мариенфельд. Несмотря на широкий размах выступлений, они были подавлены властью, а руководители Республики немцев Поволжья в числе первых доложили Сталину о победоносном завершении коллективизации летом 1931 года.

Ключевые слова: коллективизация, немцы Поволжья, крестьянское сопротивление, массовые протесты, вооруженное восстание в Мариенфельде.

On the History of Peasant Resistance to Collectivization in the Saratov Volga Region

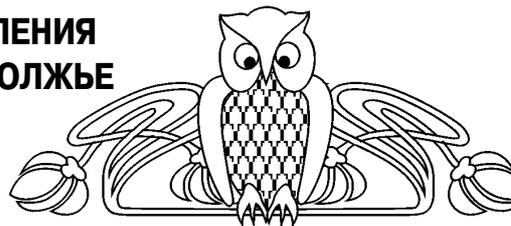
A. A. German

The author examines the resistance of the German peasants of the Saratov Volga region to aggressive forced collectivization carried out by the Soviet communist leadership at the turn of the 1920s-1930s. Various forms of resistance are shown, such as the armed rebellion that took place in the village of Marienfeld. Despite the wide scale of uprisings, they were suppressed by the authorities, and the leaders of the Republic of the Volga region Germans were among the first to report to Stalin that the collectivization had been victoriously completed in the summer of 1931.

Key words: collectivization, Volga Germans, peasant resistance, mass protests, armed uprising in Marienfeld.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-407-416

Как известно, в середине 1920-х гг. советское руководство, исходя из сложившейся в мире реальной ситуации, не без сожаления расстаётся с концепцией «мировой социалистической революции» и принимает на вооружение стратегию построения социализма в одной отдельно взятой стране, находящейся «во враждебном капиталистическом окружении». Эта стратегия требует ускоренного создания мощной автаркической (то есть не связанной с экономикой других стран) индустриальной системы, способной успешно «противостоять мировому империализму». Острая нехватка капитала и «дефицит времени», по мнению И. В. Сталина и его соратников, делали невозможным сбалансированное развитие тяжёлой и лёгкой промышленности, быструю ликвидацию товарного голода, преимущественно рыночную форму связи промышленности и инди-

видуального крестьянского хозяйства, то есть все то, что давал нэп.

Поэтому с конца 1920-х гг. высшее руководство СССР во главе с И. В. Сталиным окончательно отказывается от нэпа и берёт курс на «развёрнутое наступление социализма по всему фронту». Цель нового курса – форсированная индустриализация страны. Успешное начало первой пятилетки вызывает «головокружение от успехов». Начиная с ноября 1929 г. и вплоть до середины 1932 г. неоднократно повышаются плановые задания в промышленности. Стремительно растущее городское население требует всё больше продовольствия, а растущий импорт оборудования для заводов – увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции. Возникает проблема – любой ценой обеспечить финансирование индустриализации и бесперебойное снабжение быстрорастущих городов, что требует сохранения невысоких цен на хлеб и резкого увеличения поставок продовольствия в город и на экспорт.

Решить проблему можно было лишь путём быстрой ликвидации единоличных хозяйств, не желавших за бесценок отдавать государству свою продукцию, и массового создания послушных власти коллективных хозяйств (колхозов). Этим как раз и объясняются варварские методы и чрезвычайно сжатые сроки коллективизации. Официально, однако, говорилось о необходимости осуществить «социалистические преобразования в деревне». «Сплошная коллективизация» совершалась не только путем вопиющего насилия над крестьянством, но и сопровождалась беспрецедентным наступлением на религию и церковь, так как в них коммунистическая власть видела своих главных на тот момент идеологических противников.

В последние десятилетия в современной историографии воссоздана достаточно объективная картина коллективизации в СССР, показаны ее разрушительные для крестьянства, да и всего общества, последствия¹.

Реальная, а не мифическая коллективизация показана в публикации обширного массива соответствующих документов². Развеев миф о поддержке коллективизации основной массой крестьянства. Особо ценным представляется тот факт, что достоянием общественности стали факты массового сопротивления крестьянства террористической политике государства, которое

советская историография представляла как сопротивление узкого слоя кулачества.

Вместе с тем вопросы защиты крестьянством своих интересов от покушений государства требуют дальнейших исследований, так как у коллективизации имелось множество региональных, национальных и иных особенностей. В этом плане научный интерес представляет история коллективизации в немецких селах Саратовского Поволжья³.

Курс на «сплошную коллективизацию» в Республике немцев Поволжья начал проводиться с сентября 1929 г. по мере окончания уборочной кампании, в ходе начавшейся новой очередной хлебозаготовки и в непосредственной связи с ней. В результате жестокого «натиска» на крестьянство к 1 января 1930 г. план хлебозаготовок был выполнен на 89,1%⁴. Основная часть хлеба была добыта репрессивными методами. Около 10% наиболее зажиточных крестьян были обложены непомерно высокими индивидуальными заданиями, за невыполнение которых свыше 6 тыс. хозяйств были разорены кратированием и конфискацией⁵. Таким путём большевистское руководство Немреспублики решало сразу две задачи: выполняло план хлебозаготовок и «ликвидировало кулачество как класс».

Коллективизация проходила под сильным нажимом «сверху», сопровождалась массовым насилием и шантажом в отношении нежелающих вступать в колхозы. Одновременно с коллективизацией развернулась беспрецедентная антирелигиозная кампания, в ходе которой священнослужители подвергались издевательствам и репрессиям, а церкви закрывались административным порядком без учёта мнения населения или же это мнение фальсифицировалось.

Развернувшийся в Немреспублике беспредел не мог не привести к дезорганизации хозяйства, прежде всего сельского. В частности, начался усиленный забой и сбыт скота, Как отмечалось позднее в закрытой сводке обкома, в ходе только первой волны коллективизации поголовье скота резко сократилось (крупного рогатого – на 35%; овец – на 40%; свиней – на 67%⁶).

Проводившаяся осенью и зимой 1929–1930 гг. кампания обострила продовольственную ситуацию в Немреспублике, и без того далеко не благополучную. Ещё в марте 1929 г. в столице АССР НП был введён нормированный отпуск хлеба по «заборным книжкам». Нормы отпуска составляли: рабочим и государственным служащим – 600 г; членам семей рабочих и госслужащих – 400 г; остальным – 300 г в сутки⁷. К осени продовольственная ситуация ухудшилась. 20 сентября Наркомат торговли АССР НП направил письмо ответственному секретарю обкома ВКП(б) и председателю ЦИКа Немреспублики, в котором проинформировал их о «катастрофическом» положении, сложившемся со снабжением населения хлебом и другим продовольствием. Особенно

критическим было положение в городах, где рабочие не получали положенных им скудных норм хлеба по несколько дней. Такая ситуация вызвала массовое недовольство рабочих, которые открыто осуждали политику хлебозаготовок, «нажим» на «крепких хозяев», закрытие базаров⁸.

3–6 декабря 1929 г. в Покровске состоялся объединённый пленум областного комитета и областной контрольной комиссии ВКП(б) АССР НП, который одобрил итоги и решения ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), подтвердившего курс на сплошную коллективизацию. Пленум объявил АССР НП районом сплошной коллективизации, определил в качестве основных организационных форм объединения крестьян в сельхозартель и коммуны, потребовал максимального обобществления имущества⁹.

Спустя несколько дней (8–11 декабря) в Республике прошёл 1-й съезд колхозников, на котором по инициативе партийного руководства Немреспублики и, в частности, организовавшего и проводившего съезд заведующего отделом обкома по работе в деревне А. Вельша¹⁰, был принят ряд решений, резко накаливших и без того напряжённую обстановку в деревнях. Съезд постановил коллективизировать всё имущество крестьян, включая мелкий скот, птицу, домашнюю утварь. В постановлении «О наступлении на религию» съезд провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения «ликвидацию» религии и «закрытие церквей». Решения съезда колхозников даже в условиях начавшейся гонки за темпами коллективизации выглядели настолько экстремистскими, что несколько позднее обком партии вынужден был отмежеваться от них, признав их «левым загибом»¹¹. К январю 1930 г. в колхозы было загнано 73 600 крестьянских хозяйств (свыше 68%)¹².

Всё нараставшее возмущение крестьян в последние дни 1929 г. переросло в мощный социальный взрыв. Начались массовые выступления крестьян в десятках сёл Немреспублики против огульной коллективизации и раскулачивания, закрытия церквей. Острые формы выступления приняли в католических сёлах Каменского и Франкского кантонов. Как правило, инициаторами выступлений становились женщины. В ходе выступлений крестьяне освобождали арестованных, распускали колхозы, забирали назад собственное имущество, при этом возвращалось имущество и раскулаченным крестьянам¹³.

Наиболее остро события развивались в селе Мариенфельд¹⁴ Каменского кантона¹⁵. Они приняли форму открытого восстания. События в Мариенфельде вызвали серьёзную обеспокоенность в Центральном комитете ВКП(б). От областного комитета ВКП(б) АССР НП потребовали подробного отчёта о происшедших в Мариенфельде выступлениях¹⁶.

В приложении мы даём два официальных документа, иллюстрирующих эти события: запрос

из ЦК ВКП(б) о подробностях событий в Мариенфельде и подробный отчет об этих событиях, подписанный ответственным секретарем обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья Х. Горстом. Из документа 2 видно, что советская власть в Мариенфельде была свергнута фактически 26 декабря 1929 г. и восстановлена вооруженным путем лишь 21 января 1930 г.

Незатухавшие массовые антиколхозные выступления крестьян заставили руководство Немреспублики вникнуть в суть проблем, вызывавших крестьянские бунты. 11 января 1930 г. в район «беспорядков», в правобережную часть Немреспублики, прибыл председатель Центрального исполнительного комитета Республики немцев Поволжья И. Шваб¹⁷. В селе Келлер он провёл встречу с представителями сёл Келлер, Гильдман, Пфайфер, Лейхтлинг, Гебель, Семёновка. В ходе выступлений делегатов вскрылись во всей неприглядности картины массового насилия над крестьянством, создания колхозов на основе одного лишь голого принуждения, чинившегося местными партийными работниками, советским аппаратом. Массовыми были и факты оскорбления религиозных чувств верующих. Приведем лишь несколько фрагментов из выступлений крестьянских представителей.

Г. Гильдман (с. Гильдман): «Нам говорили, что кто не вступит в колхоз, тот из кооператива не получит товару, обявят бойкот, будет врагом соввласти. Колхоз получит самую наилучшую землю, а остальные будут выселены на плохие земли, а если земли не останется – угонят в калмыцкую или киргизскую степь, а то и в Сибирь... Эти угрозы заставили нас записаться в колхоз».

А. Диль (с. Семёновка): «Во время проведения сплошной коллективизации председателем было сказано: “Сегодня мы имеем торжественную ночь. Дело идёт или же к жизни, или к смерти. Кто к утру не вступит в колхоз, пойдёт через горы в ледяное море”. Мы видим, что нам житья не будет, и записались в колхоз. Ныне нас сильно угнетают...»

В. Мейзлер (с. Лейхтлинг): «Когда проходила сплошная коллективизация, нам говорили: “Кто не идёт в колхоз, того мы прижмём, как пресса прижимает жмыху”» (так записано в протоколе встречи. – А. Г.).

А. Гефнер (с. Пфайфер): «Мы хотели идти в церковь, а церковь была закрыта. Председатель церковного совета ответил, что ему приказали запереть церковь... Мы требовали выдачи конфискованного имущества. Без патера мы жить не можем и будем его поддерживать»¹⁸.

Факты – вопиющие, и тем не менее встреча с крестьянством не изменила убеждения руководства АССР НП в том, что крестьянские выступления были инспирированы «кулацкими элементами». К ещё более суровым выводам пришла комиссия Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), изучавшая причины массовых кре-

стьянских выступлений в Немреспублике. Комиссия заключила, что там существует мощная «кулацко-контрреволюционная группировка», которая, опираясь на «беспомощность и ошибки парторганизаций» АССР НП, сумела организовать массовые «антисоветские выступления». На своём заседании 24 января 1930 г. бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) потребовало от обкома Немреспублики проведения «чистки» колхозов и советов от кулаков, строгого наказания коммунистов, допустивших в дни «беспорядков» малодушие и трусость¹⁹.

Как видим, причины крестьянских выступлений коммунистическое руководство края и Республики немцев Поволжья, как, впрочем, и Центр, видели не в своей антикрестьянской политике, не в насилии над основной массой сельских тружеников, а в происках «классового врага». О тенденциозности такого подхода свидетельствует, в частности, появившийся примерно в то же время красноречивый документ – «товарищеское письмо» прокурора и народного комиссара юстиции АССР НП М. Кельблера²⁰, направленное им на места участковым помощникам прокурора, членам Главсуда, народным судьям и следователям.

В письме автор упрекает своих подчинённых за допущение массовых незаконных арестов крестьян лицами, «никакого права на производства ареста не имеющими». По словам прокурора Немреспублики, арестовывают «все, кому не лень»: уполномоченные ЦИКа и кантисполкомов, председатели сельсоветов и колхозов, коммунисты и комсомольцы. «Арестованные эти сидят иной раз подолгу, причём никакого производства о них не ведётся и судебными органами ничего о них не известно. Иногда же и сами арестовавшие успевают позабыть о них», – отмечает М. Кельблер. Прокурор рекомендует всех незаконно арестованных освободить из-под стражи²¹. Однако в нагнетаемой партийной верхушкой атмосфере классовой ненависти к «кулацким элементам» письмо прокурора не привело к каким-либо изменениям. Так, уже 1 февраля 1930 г. ОГПУ АССР НП доложил обкому ВКП(б), что в январе им выявлено и ликвидировано на территории Немреспублики 9 «кулацко-повстанческих контрреволюционных группировок», в связи с этим арестовано 476 человек. Почти все арестованные являлись жителями «мятежных» сёл. Многие из них, в частности, арестованные в селе Мариенфельд, были приговорены к расстрелу²².

Для оказания «помощи» в коммунистическом преобразовании деревни партийно-советское руководство страны послало туда 25 тыс. промышленных рабочих, в первую очередь коммунистов. 29 января – 4 февраля в АССР НП прибыли и были распределены по кантонам и колхозам 318 ленинградских рабочих – «двадцатипяти тысячников». Многие из них приехали с семьями. Приезд рабочих совпал с началом новой мощной кампании насилия над крестьянством – раскулачиванием.

Ленинградцы были использованы в качестве «ударной силы» в создании новых колхозов и раскулачивании зажиточных крестьян. Впоследствии на постоянное жительство в Немреспублике осталось чуть больше 70 человек. Остальные по разным причинам вернулись в Ленинград в 1930–1931 годах²³.

Видя в широком, большей частью стихийном крестьянском сопротивлении коллективизации происки своих «классовых врагов» – кулаков, центральное партийное и советское руководство страны пришло к мысли о необходимости форсирования «ликвидации кулачества как класса». 30 января Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». На основании этого документа 2 февраля Президиум Нижне-Волжского краевого исполкома издал постановление «О мерах по ликвидации кулачества как класса». В постановлении отмечалось, что в Нижне-Волжском крае сплошная коллективизация проведена на 80 %, дальнейшему её осуществлению мешает «сопротивление кулаков». Постановление предписывало осуществить «ликвидацию кулачества» в крае до начала весенней посевной кампании²⁴.

В тот же день в административном центре Нижне-Волжского края – Саратове – состоялось совещание секретарей окружных и областных парторганизаций края. В его работе участвовал ответственный секретарь обкома ВКП(б) АССР НП Х. Горст²⁵. Совещание, опираясь на постановление ЦК ВКП(б), наметило «подвергнуть конфискации кулацкие хозяйства, исходя в среднем из 5–6% всех хозяйств по краю, то есть 50–60 тыс. хозяйств». Для Немреспублики была установлена «норма раскулачивания» в 7 тыс. хозяйств – на 1–1,5 тыс. больше, чем в любой другой административной единице Нижне-Волжского края²⁶.

На следующий день, 3 февраля, в Республике немцев Поволжья была образована «Особая областная комиссия по ликвидации кулачества». В комиссию вошли высшие руководители республики. На первом же заседании комиссия приняла решение о «мобилизации» всех коммунистов и комсомольцев на раскулачивание. 4 февраля комиссия утвердила «ориентировочные цифры» хозяйств, подлежащих раскулачиванию, по категориям и по кантонам: 1-я категория («активные контрреволюционеры, подлежащие аресту и заключению») – 570 хозяйств; 2-я (подлежащие высылке за пределы Нижне-Волжского края) – 1600 хозяйств; 3-я (подлежащие высылке за пределы Немреспублики) – 280 хозяйств; 4-я (подлежащие выселению из своих сёл в специальные «кулацкие посёлки») – 4900 хозяйств²⁷.

6 февраля комиссия по раскулачиванию утвердила «Оперативный план ОГПУ об аресте и высылке кулачества 1-й и 2-й категорий». План определял даты проведения арестов и конфискаций по кантонам (10–17 февраля), силы и средства

для проведения данных операций. К проведению операций привлекались милиция и войска²⁸. В дополнение к плану прокурор АССР НП издал специальный циркуляр, в котором, основываясь на директивах партийных органов о раскулачивании, потребовал от участковых прокуроров активно участвовать в данной кампании, все дела по сопротивлению раскулачиванию передавать органам ГПУ для разрешения во внесудебном порядке, приговоры по делам раскулаченных выносить «с применением жестоких мер репрессии», подготовить места заключения для размещения большого числа арестованных и т. п.²⁹

10 февраля 1930 г. строго по плану в Немреспублике началась кампания раскулачивания семей, предназначенных к аресту и отправке первым маршрутом на Крайний Север. Раскулачивание проводилось тайно, по-воровски, ночью. Тем не менее скрыть от крестьян ничего не удалось. Весть о новых насилиях мгновенно распространилась по всем сёлам и вызвала бурю негодования. Вновь начались массовые крестьянские волнения. Документы свидетельствуют, что в защиту раскулаченных выступило абсолютное большинство сельских жителей. Во многих случаях они оказывали открытое сопротивление командам, выполнявшим задачу по раскулачиванию. Так, в сёлах Байдек и Обермонжу раскулаченные семьи удалось вывезти только после введения туда воинских подразделений³⁰.

Неожиданное для руководства АССР НП массовое сопротивление крестьян задержало кампанию по раскулачиванию на несколько дней. Первый маршрут с раскулаченными (267 семей, 1757 человек) – несколько эшелонов – был отправлен из Немреспублики 20–24 февраля на Крайний Север. Основная масса семей была выгружена и расселена в посёлке Сольвычегодск и окрестных деревнях³¹. Поволжские крестьяне попали в сложнейшие климатические и социально-экономические условия: лютая стужа, часто без жилья и без работы, моральный террор властей... Многие из них не смогли вынести этих испытаний.

В архивах сохранилось письмо одного из сосланных в Сольвычегодск. Вот несколько строк из него: «20 февраля сего года я выслан с места родины в город Сольвычегодск Северо-Двинской губернии по совершенно мне непонятным поводам и основаниям. Из дома я был взят для высылки ночью председателем сельсовета и милиционером... Выслан я со всей своей семьёй, состоявшей из 9 человек: жены моей 42 года; сыновей Георгия – 18 лет, Готлиба – 14 лет, Генриха – 11 лет, дочери Анны – 9 лет, сыновей Ивана – 8 лет, Якова – 6 лет, Филиппа – 4 года. Трое из них уже теперь умерли здесь от невозможно тяжёлых условий...»³² Письмо датировано 31 марта 1930 года. С момента высылки прошло всего около 40 дней!

После отправки из Немреспублики первого маршрута кампания по раскулачиванию продолжалась, накаляя политическую обстановку.

Массовые волнения крестьян охватили практически все сёла нагорной стороны и значительное число сёл левобережья. Крестьяне сёл Куккус, Моргентау, Кано и некоторых других по 2–3 дня противодействовали раскулачиванию своих односельчан. Волнения подавлялись вооружённой силой. После подавления волнений «мятежные» сёла подвергались суровым репрессиям (аресты и жестокое наказание «зачинщиков», штрафные увеличения норм сдачи продовольствия и др.)³³.

Второй маршрут, в Сибирь, был отправлен из Немреспублики 1 марта 1930 г. (210 семей, 1242 человека). Туда же были высланы 18 марта 326 семей (1766 человек) и 5 апреля 112 семей (806 человек). Всего же в феврале, марте и апреле из Республики немцев Поволжья было выслано 929 семей (5585 человек, в том числе 2465 детей). На их перевозку использовалось 139 вагонов³⁴. Раскулачивание, выселение продолжались и дальше.

Всего в 1930–1931 гг. из Немецкой автономии было выселено 4288 семей (24202 человека) – 3,7% от общей численности крестьянских хозяйств Немреспублики³⁵. Постепенно раскулачивание принимало характер репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, «разбазаривание колхозного имущества», невыполнение различных повинностей и т. п. В таком виде оно продолжалось вплоть до конца 1933 г.³⁶

К марту 1930 г. в республике было коллективизировано почти 70 % крестьянских хозяйств³⁷. Руководство немецкой автономии вынашивало честолюбивые планы закончить сплошную коллективизацию к началу весенней посевной кампании. Тем неожиданной и неприятной для него, а также для местного партийно-советского актива стали опубликованная в «Правде» за 2 марта 1930 г. статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой, как известно, вся вина за «перегибы» была возложена на местное руководство, а также постановление ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»³⁸.

«Оттепель» в процессе коллективизации продолжалась около полугода. За период с марта по июль процент коллективизированных хозяйств в немецких селах снизился с 70% почти до 30% притом, что руководству и колхозному активу была поставлена задача «ни в коем случае не допустить развала колхозов»³⁹. Наряду с выходом из колхозов, ОГПУ констатировало развитие массового движения в крестьянской среде за возвращение в Немреспублику высланных за её пределы «кулаков», возвращение имущества раскулаченным, а верующим – церковью и колоколов⁴⁰.

В первых числах июня 1930 г. состоялась 17-я областная конференция ВКП(б) АССР НП. Несмотря на то что к этому времени в колхозах осталось лишь около трети крестьян, на конференции было заявлено о «бурном росте социалистического сектора», об «укреплении колхозного строя

в деревне». Конференция, как и состоявшийся в мае пленум обкома, одобрила проведённый курс на сплошную коллективизацию и «ликвидацию кулачества как класса», осудила «левые перегибы» и «правооппортунистические шатания», наметила завершить сплошную коллективизацию в 1931 году⁴¹.

Тем временем продовольственная ситуация в Немреспублике продолжала ухудшаться. 2 июля 1930 г. на своём заседании бюро обкома партии оценило её как неудовлетворительную. Было отмечено, что слабые ещё колхозы новый план хлебозаготовок «не вытянут» и поэтому главным объектом для извлечения хлеба опять становился единоличник. Обком спланировал норму изъятия от валового сбора зерна: у единоличников – 40%, у колхозов – 33%. На практике же в ходе хлебозаготовительной кампании 1930–1931 гг. эти нормы значительно превышались⁴².

Из-за непосильных для крестьян планов и норм начавшаяся с июля 1930 г. очередная кампания хлебозаготовок проводилась с применением массовых репрессий как по отношению к крестьянам, так и по отношению к партийным и советским работникам, «не обеспечившим» выполнение плана. 2 ноября 1930 г. Нижне-Волжский крайком ВКП(б) в целях «подтягивания отстающих районов по хлебозаготовкам» принял решение об организации «краевого социалистического штурма отстающих районов». Для проведения «штурма» организовывались «штурмовые бригады» в количестве 15–20 человек (партийный и комсомольский актив, «лучшие колхозники»).

В АССР НП было создано свыше 150 «штурмовых бригад», представлявших собой по сути дела продотряды 1919–1920 гг. Действия штурмбригад, выполнявших взятые на себя «революционные самообязательства», существенно ужесточили хлебозаготовительную кампанию, привели к новому всплеску насилия и беспредела. «Штурмовые бригады» под черными флагами прибывали в село, окружали его и проводили тотальную проверку хозяйственных объектов, огородов, жилья на предмет выявления зерна. Весь найденный хлеб конфисковывался. Значительным числом штурмовых бригад руководили двадцатипятидесятники⁴³.

Больше всего досталось единоличникам, против которых был направлен главный удар штурмбригад. Вынужденные обеспечить себе и своим семьям хоть сколько-нибудь сносное существование, стремясь избежать дискриминации, третирувания, морального и физического террора со стороны партийных, советских, хозяйственных органов и штурмбригад, единоличники вновь пошли в колхозы. Началась «вторая волна» коллективизации. До конца года в колхозы вступило свыше 30 тыс. семей единоличников⁴⁴.

15–19 января 1931 г. состоялся очередной пленум обкома ВКП(б), рассмотревший задачи колхозного строительства. Пленум отметил

«громадные успехи в деле социалистического переустройства деревни». Было объявлено, что Зельманский, Маркштадтский, Фёдоровский и Палласовский кантоны завершили сплошную коллективизацию. Пленум выразил уверенность, что «решения партии об окончании в основном сплошной коллективизации в Нижне-Волжском крае к весне 1931 г.» в Немреспублике будут выполнены. Такими же мотивами были проникнуты и решения состоявшегося 31 января 1931 г. 2-го республиканского съезда колхозников⁴⁵.

На почве полной «выкачки» продуктов в ряде кантонов (Маркштадтском, Фёдоровском и др.) были зафиксированы факты голодания. Голодали в основном семьи единоличников и раскулаченных. А вообще к этому времени недоедание прочно становится массовым и обыденным явлением в городах и сёлах Республики немцев Поволжья.

Голод делал людей покорными и послушными. К середине апреля 1931 г. число коллективизированных крестьянских хозяйств составило 85,5%. Эта цифра послужила основанием для созыва заседания бюро обкома партии, на котором рассматривался только один вопрос: «О коллективизации в АССР НП». Бюро постановило, что сплошная коллективизация в Республике немцев Поволжья в основном завершена. Было принято решение направить специальный рапорт об этом в ЦК, И. В. Сталину и в Нижне-Волжский краевой комитет ВКП(б)⁴⁶.

Рапорт подготовили очень быстро, он получился чрезвычайно помпезным. Венчал его заголовок: «Парторганизация Немреспублики рапортует организатору социалистических побед». Далее следовал текст: «Центральный Комитет ВКП(б), тов. Сталину. Областной Комитет ВКП(б) Немреспублики доносит ленинскому ЦК и его руководителю – стойкому ленинцу – т. Сталину, что партийная организация Немреспублики, неуклонно проводя генеральную линию партии, одержала крупную победу на фронте построения фундамента социалистической экономики СССР и завершила в основном сплошную коллективизацию Немреспублики...»⁴⁷

Видимо, ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин не приняли данный рапорт и не согласились с выводами, сделанными обкомом партии Немреспублики, поскольку «победный звук фанфар», продолжавшийся всего несколько дней, внезапно смолк, ответственный секретарь обкома Х. Горст в начале мая был вызван в Москву на «проработку» и далее опять продолжалась борьба за сплошную коллективизацию.

Центр признал первенство Немреспублики в осуществлении коллективизации лишь спустя почти два месяца, когда процент коллективизации здесь достиг наивысшего по СССР уровня – 95%. 20 июня объединённый пленум обкома партии и областной контрольной комиссии ВКП(б) уже с санкции вышестоящих органов официально объявил, что «Немреспублика первая по всему

Советскому Союзу закончила сплошную коллективизацию и достигла к настоящему времени наивысшего процента коллективизации»⁴⁸.

Таким образом, руководителям Республики немцев Поволжья все же удалось сломить сопротивление немецких крестьян и получить сомнительную славу победителей в «борьбе» за осуществление сплошной коллективизации в СССР.

Процесс коллективизации в Немреспублике продолжался и далее (на 1 июля – 96,6 %, на 1 августа – 98,7 %). В большинстве кантонов к осени было коллективизировано 100 % хозяйств⁴⁹.

Приложение 1

Документы о восстании в селе Мариенфельд

1.

Телеграмма из ЦК ВКП(б) партийному руководству АССР немцев Поволжья (6 февраля 1930 г.)

из Москвы № 53117 6 февраля 1930 г.
Покровск⁵⁰ Нем. Пов. Обкому немцев Поволжья

Сообщите срочно подробности дела селе Мариенфельд Каменского кантона.

Информстатсектор Маленков⁵¹.

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 84.

2.

Отчет областного комитета ВКП(б) АССР немцев Поволжья о событиях в селе Мариенфельд в декабре 1929 – январе 1930 гг.⁵²

9 марта 1930 г. Совершенно секретно
Центральному Комитету ВКП(б),
№ 147 с/с Информ-стат. сектору

В ответ на телеграмму о событиях в селе Мариенфельд Каменского кантона ОК⁵³ ВКП(б) имеет сообщить следующее:

Массовые волнения в с. Мариенфельд берут свое начало с середины декабря месяца 1929 года, когда местные партийные и советские органы приступили к работе по обобществлению всего крестьянского скота в колхозе.

На состоявшемся в середине декабря месяца кантонном съезде колхозов, наряду с другими вопросами, обсуждался также вопрос о закрытии церкви. Избранные на этот съезд делегаты от с. Мариенфельд оказались не только противниками колхозостроительства, но и антисоветски настроенными лицами, которые по приезде на село⁵⁴ растолковывали постановления съезда в своем духе.

Местное кулачество, учтя недовольство масс колхозным строительством вообще и обобществлением, главным образом, молочного скота, повело агитацию, что на съезде постановлено: «Церковь закрыть... патеров сажать... религию долой... колокола снять... семян не дадут, продуктов тоже, беднота должна умереть

с голоду, совласть обобществляет не только инвентарь, но и жен и детей, что детей Мариенфельдских отправят в другие места, а оттуда детей привезут в Мариенфельд...»

Эта агитация проводилась на улицах, нелегальных собраниях, устраиваемых на разных квартирах и имела своим последствием, что утром 26 декабря население целиком разгромило колхоз, состоявший из 380 хозяйств. Движение носило настолько озлобленный характер, что тем немногим, которые не хотели брать свое имущество из колхоза, выгоняли скот их из конюшни на улицу и самим угрожали расправой.

Акт этот не получил немедленного отпора со стороны кантонных властей и ссылаясь на безнаказанность кулаки стали усиленно распространять слухи, что «Советской власти уже нет, а приезжающие в село коммунисты есть отдельные единицы, которые еще до поры до времени болтаются, что их слушать не нужно, это их последние попытки к привлечению на свою сторону людей, которые после переворота будут несчастными».

Все эти агитации вместе взятые сильно повлияли в сторону ухудшения настроения всех прослоек крестьянства, которые на общих собраниях граждан, созывавшимися⁵⁵ представителями кантцентра, ничего слушать не хотели и все время прерывали докладчиков выкриками: «Долой! Все это ложь и обман! Нас обманывают, нас продают! Прогнать их отсюда, их мало убить! Перестаньте, не хотим больше слушать ваших басен, если жить хотите, то убирайтесь к чертям» и пр.

Местному активу на собраниях нельзя было не только выступать и говорить, но и появляться, так как их появление озлобляло массу.

Сельсовет, при появлении слухов и недовольств колхоз-строительством, обсудил это положение и вынес следующее постановление:

«Кулачество села сорганизовалось в единый блок, повело усиленную агитацию против всех мероприятий соввласти и, если не будут приняты своевременные меры, то грозит опасность срыва всех мероприятий власти на селе в общем, и колхозному строительству, в частности».

Сельсовет на этом же заседании вынес постановление о предании суду 13 кулаков как злостных агитаторов и главных организаторов события. Работники кантцентра⁵⁶ убедившись, что никакая агитация не в состоянии ликвидировать создавшееся положение, решили реализовать постановление с/совета, выслав для этой операции 4 милиционера, судью и нарследователя.

Последний тут же по приезде вечером стал вызывать и допрашивать и соответствующих лиц оставлял тут же под арестом. Сыновья этих арестованных кулаков, а также оставшиеся на свободе кулаки повели в эту ночь усиленную агитацию и подготовили массу к прямому контрреволюционному выступлению. К утру масса действительно была подготовлена и когда милиционеры повели 7 человек из здания с/совета по направлению к школе, где должно было состояться судебное заседание, то толпа примерно, в 400-500 человек насильственным путем их освободила и оттуда двинулась к с/совету, где освободила и остальных 12 человек. Здесь толпа вела себя еще наглее и окала милиционерам, попытавшимся и здесь отстоять арестованных, сопротивление, угрожая немедленной

расправой, делала попытки их обезоружить, причем все время были выкрики: «Бери их, отнимай оружие... бей сволочей... не бойся их, они стрелять бояться – мы власть, а не они...»

Когда к этому моменту подоспел член президиума КИК⁵⁷ т. Громан и делал попытки вмешаться в это дело, то толпа моментально его окружила и грозила также расправой. Кто-то схватил его за грудь и стал трясти, говоря: «Сейчас посчитаемся – или я или ты – один из нас ляжет мертвым».

До убийства однако дело не дошло, толпа же стала выставлять определенные требования и все время кричала: «Не дать больше ни одного арестованного из села, а если кто осмелится взять, то будет убит на месте».

Репрессивные меры при таком положении и с такой силой, естественно нельзя было приложить, что истолковывалось опять-таки со стороны кулаков, как бессилие власти, и доказательством правоты их дела.

Таким образом, массовое недовольство, начавшееся на религиозной почве и против колхозов, быстро переросло в прямое контрреволюционное выступление против соввласти. Ежедневно по вечерам стали собираться в частных квартирах, где обсуждались вопросы борьбы с властью и проводимых ею мероприятий⁵⁸.

Кроме того, усилился убой скота рабочего (быков) мотивируя тем, что они больше сеять не хотят и весной всем селом эмигрируют за границу⁵⁹.

В результате в село Мариенфельд было направлено 17 человек во главе с уполномоч. ГПУ для изъятия зачинщиков и вожаков к-р. выступлений, однако и они натолкнулись на сопротивление. Когда в ночь с 17 на 18 января приступили к операции изъятия, то при требовании открыть дверь, получали ответ: «По ночам ходят только грабители, если что нужно, то приходите днем» или «Зайдите, мы вас ждем».

В силу того, что никто из подлежавших аресту добровольно двери не открывал, отряд приступил к насильственному приводу в сельсовет. Многие из них изнутри стали разбивать окна и кричать на улицу: «Караул! Грабители! и т. п.»

Многие из арестованных, выходя на улицу, стали оказывать здесь прямое сопротивление. Так напр. кулак Бургард Алоизий, у которого пришлось двери насильственно вскрыть, стоял одетым уже со своими 2 сыновьями и на требование следовать за милиционером не подчинился, т. что пришлось его вытащить. Тут он велел сыну, подоспевшему с топором в руках ударить милиционера, что тот и выполнил, но топор пролетел мимо и вреда милиционеру не причинил. Арестованного пришлось милиционеру бросить, а сам спасся только бегством, благодаря подоспевшей помощи.

Другие напр. тоже отказывались следовать в с/совет и ложились и стали кричать: «Грабят... убивают...» На крики стала собираться толпа, потребовавшая освобождения арестованных и когда толпа обнаружила, что арестованных 11 человек в с/совете уже нет, стали принимать меры к розыску, причем быстро был создан отряд около 200 всадников, который был разослан во все направления, но арестованных догнать уже не мог.

В силу этого арестовать всех намеченных 17 человек не удалось. Некоторое время спустя, когда отряд узнал, что арестованные были направлены на ст. Авиллово, они кинулись туда, но за несколько минут до их прибытия, арестованные были отправлены дальше в

Камышин. Вслед за этим начались розыски актива села и председателя с/совета и не найдя их (они отступили с отрядом) стали разбивать им окна.

На следующий день собравшаяся толпа потребовала распределения имевшегося в общественном амбаре хлеба и картофеля, конфискованного у кратников. Насильственным образом были взяты ключи и произведена выдача, причем наделялись и кратники-кулаки.

21 января при помощи прибывшего отряда в 40 человек во главе с начальником Камышинского окротдела⁶⁰ ГПУ операция по аресту была доведена до конца, причем арестовано всего 61 человек, из коих преобладающее большинство кулаки и кратники.

Кроме того, подлежало аресту еще 14 кулаков-кратников, которые успели до операции скрыться.

После операции было созвано общее собрание граждан, где значительная часть бедняков открытым выступлением признали ошибочным свое участие в массовом движении.

Отмечается тенденция опять возвратиться в колхоз.

Отв. секретарь ОК ВКП(б) Горст

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 81-83.

Приложение 2

Современные названия и месторасположение бывших немецких сел, упоминаемых в статье

№ п/п	Название немецкого села	Современное название села	Современное месторасположение села
1	Келлер	Караульнобуерачное	Камышинский район Волгоградской области
2	Гильдман	Пановка	
3	Пфайфер	Гвардейское	Красноармейский район Саратовской области
4	Лейхтлинг	Иловлинка	Камышинский район Волгоградской области
5	Гебель	Усть-Грязнуха	
6	Семёновка	Семеновка	
7	Байдек	Луганское	Красноармейский район Саратовской области
8	Обермонжу	Кривовское	Марковский район Саратовской области
9	Куккус	Приволжское	Ровенский район Саратовской области
10	Моргентау	Суетиновка	Старополтавский район Волгоградской области
11	Кано	Кано	
12	Ней-Галка	Палласовка	Палласовский район Волгоградской области
13	Блюменфельд	Цветочное	Старополтавский район Волгоградской области
14	Тонкошуровка, Мариенталь	Советское	Советский район Саратовской области

Примечания

- 1 См.: Жеромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. М., 2006; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; Маслов С. С. Колхозная Россия: История и жизнь колхозов. М., 2007; Миронин С. Сталинский порядок. М., 2007; Тенцов Н. В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов. М., 1990; Фитцпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001 и др.
- 2 См.: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / под ред. А. Н. Сахарова [и др.]. М., 2008; Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. документов. М., 1995; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М., 2012; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: в 5 т.: 1927–1939 / отв. ред. В. Данилов. М., 1999–2006; «Тянут с мужика последние жилы...»:

налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): сб. документов и материалов. М., 2007 и др.

- 3 Пока эта проблема исследована лишь в самом общем виде. См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М., 2007. С. 247–263.
- 4 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1714. Л. 28.
- 5 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1714. Л. 48. Кратирование – многократное увеличение норм сдачи продовольствия государству, применявшееся по отношению к «кулацким» хозяйствам с целью их разорения. Формально применялось как мера наказания в случае невыполнения хозяйством первоначально установленной завышенной нормы сдачи продовольствия.
- 6 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1754. Л. 23.
- 7 Там же. Д. 1569. Л. 170.
- 8 Там же. Д. 1612. Л. 402–403.
- 9 Там же. Д. 1678. Л. 1–10.
- 10 Вельш Адам Андреевич (Welsch Adam), родился в 1893 г. в с. Ровное (Зельман) Новоузенского уезда Самарской губернии в бедной крестьянской семье, с 8 лет начал работать батраком. С 1910 г. грузчик на хлебной пристани. В 1914–1917 гг. служба в армии.

- В начале 1918 г. вернулся в Ровное, избран председателем местного Совета, вошел в состав уездной ЧК. В 1922–1923 гг. учеба в Покровской советско-партийной школе, затем – председатель исполкома Кукукуского кантонального Совета. В 1925–1926 гг. учеба на курсах уездных партийных работников при ЦК ВКП(б). В 1926–1928 гг. ответственный секретарь кантональных комитетов ВКП(б) в Мариентале и Бальцере. В 1928–1930 гг. заведующий отделом по работе в деревне обкома ВКП(б), нарком земледелия АССР НП. В 1932–1933 гг. учеба на курсах марксизма-ленинизма в Москве. В 1935–1936 гг. А. Вельш – председатель ЦИК и СНК АССР НП, с февраля 1936 г. до января 1937 г. первый секретарь обкома ВКП(б) АССР НП. В марте – августе 1937 г. председатель ЦИК АССР НП. В августе 1937 г. арестован, в том же году расстрелян.
- ¹¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 52–53.
- ¹² Там же. Д. 1716. Л. 17.
- ¹³ Там же. Д. 1575. Л. 184–190.
- ¹⁴ Мариенфельд (Николаевское) – немецкое католическое село, основано в 1852 г. на левом берегу р. Мокрая Ольховка Камышинского уезда Саратовской губернии (в 25 км северо-западнее Камышина). В 1930 г. входила в Каменский кантон Республики немцев Поволжья. По переписи 1926 г. численность жителей – 2027 человек, все немцы. В сентябре 1941 г. население Мариенфельда было депортировано в Сибирь и распределено по нескольким районам Омской области. Ныне – с. Ново-николаевка Котовского района Волгоградской области.
- ¹⁵ В АССР немцев Поволжья административно-территориальные единицы назывались не районами, как по всему СССР, а кантонами.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 84.
- ¹⁷ Шваб Иоганнес Фридрихович (Schwab Johannes), родился в 1888 г. в крестьянской семье. Экстерном закончил Екатерининштадтское центральное училище и получил звание учителя. Работал в школах сел Ней-Галка, Блюменфельд, Ровное. С 1918 г. заведующий отделом народного образования, с марта 1920 г. председатель Ровненского уездного исполкома. В июне 1920 г. был арестован за «противодействие» продовольственной политике и до конца 1920 г. провел в заключении. В 1921–1922 гг. — председатель областной ЧК, в 1922–1924 гг. зав. Отделом агитации и пропаганды обкома партии. С 1924 по 1930 гг. Председатель ЦИК АССР немцев Поволжья. В начале 1930 г. за попытку найти «общий язык» с «кулаками» (крестьянами восставших сел) снят с должности, и далее работал мелким служащим. В 1935 г. по ложному обвинению арестован, остаток жизни провел в тюрьмах. Расстрелян 14 октября 1938 г.
- ¹⁸ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 184–190, 215.
- ¹⁹ Там же. Л. 174–175.
- ²⁰ Кельблер Михаил Иосифович (Kelbler Michael), родился в 1889 г. в с. Тонкошуровка (Мариенталь) Николаевского уезда Самарской губернии в крестьянской семье. О нем удалось собрать лишь фрагментарные сведения. В конце 1920-х гг. занимал должность прокурора и наркома юстиции АССР НП. В 1930 г. был снят с этой должности. В 1937 г. репрессирован, отбывал наказание в Устьвымлаге (Коми АССР). 10 ноября 1941 г., являясь заключенным, был обвинен в новом преступлении и оказался под следствием. Верховный суд Коми АССР при Устьвымлаге НКВД 3 января 1942 г. приговорил М. И. Кельблера к высшей мере наказания – расстрелу.
- ²¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 76–77.
- ²² Там же. Л. 76 ; Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 180. Л. 32–34.
- ²³ Подробнее см.: Герман А. А. Ленинградские рабочие-двадцатипятипятитысячники в Республике немцев Поволжья : участие в коллективизации, дальнейшая судьба // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев : научный журнал. 2015. № 1. С. 144–155.
- ²⁴ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 4–6.
- ²⁵ Горст Христиан Христианович (Horst Christian), родился в 1900 г. в семье рабочего, рано начал трудовую деятельность. В 1918 г. вступил в РКП (б). Работал в комсомольских и партийных структурах. С 1927 г. заместитель ответственного секретаря, с декабря 1929 г. по июнь 1932 г. ответственный секретарь обкома ВКП(б) АССР НП. В дальнейшем переведен на партийную работу в Азербайджан. В 1937 г. репрессирован, до середины 1950-х гг. провел в лагерях. Последнее упоминание о нем относится к началу 1960-х гг.
- ²⁶ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 223.
- ²⁷ Там же. Д. 1826. Л. 1–5.
- ²⁸ Там же. Л. 7–12 ; Д. 1820. Л. 73–84, 93–96.
- ²⁹ Там же. Д. 1575. Л. 197–198.
- ³⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1574. Л. 22 ; Д. 1575. Л. 197–198.
- ³¹ Там же. Д. 1574. Л. 22 ; Д. 2086. Л. 11.
- ³² Там же. Д. 1575. Л. 76–77.
- ³³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1574. Л. 22 ; Д. 1826. Л. 29.
- ³⁴ Там же. Д. 2086. Л. 10–11.
- ³⁵ Там же. Д. 1737. Л. 235, 296, 324 ; Д. 2086. Л. 8–11.
- ³⁶ Весной 1933 г., когда в Немецкой автономии свирепствовал голод, унёсший тысячи жизней, многие крестьяне, в том числе и коммунисты, отказывались или не могли, ввиду отсутствия, сдавать зерно в семенной фонд. За такую дерзость 38 семей коммунистов были раскулачены и 9 апреля 1933 г. отправлены в Сибирь на станцию Усяты Томской железной дороги. См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1737. Л. 372, 429 ; Д. 1916а. Л. 29, 30.
- ³⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 17.
- ³⁸ Там же. Д. 1574. Л. 7–24.
- ³⁹ Там же. Д. 1575. Л. 203, 204.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1738. Л. 123.
- ⁴¹ Там же. Д. 1744. Л. 1–21.
- ⁴² Там же. Л. 37–38.
- ⁴³ Там же. Д. 1696. Л. 73–74.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1734. Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1821. Л. 1–12 ; Д. 1737. Л. 191.
- ⁴⁶ Там же. Д. 1709. Л. 232 ; Д. 1831а. Л. 171.
- ⁴⁷ Там же. Д. 1831а. Л. 172.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1737. Л. 300.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1809. Л. 89, 156.
- ⁵⁰ Покровск (ныне Энгельс) – город на левом берегу Волги, напротив Саратова. В 1922–1941 гг. столица Республики немцев Поволжья.
- ⁵¹ Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988) –

государственный и партийный деятель, соратник И. В. Сталина. Член ЦК КПСС (1939–1957), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1941–1946), член Политбюро ЦК КПСС (1946–1957), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1939–1952), секретарь ЦК КПСС (1939–1946, 1948–1953), депутат Верховного Совета СССР 1–4 созывов. Председатель Совета Министров в 1953–1955 гг. В 1930 г. занимал должность заведующего информационно-статистическим сектором Организационного отдела ЦК ВКП(б).

- ⁵² Документ приводится с соблюдением современных правил правописания русского языка (за исключением случаев, отмеченных примечаниями) при сохранении оригинального стиля изложения материала. Комментарии к тексту документов – авторские.
- ⁵³ ОК, обком – областной комитет. Речь идет об областном комитете ВКП(б) Республики немцев Поволжья. В АССР немцев Поволжья, как и в других автономных республиках СССР республиканские партийные органы имели статус областных.
- ⁵⁴ Так – в оригинале текста.
- ⁵⁵ Так – в оригинале текста.
- ⁵⁶ Кантональный центр – с. Гримм (Лесной Карамыш). Ныне – пос. Каменский Красноармейского района Саратовской области.

⁵⁷ КИК, кантисполком – исполнительный комитет кантонального Совета.

⁵⁸ Так – в оригинале текста.

⁵⁹ Агрессивный сталинский социализм покушался на самые главные ментальные ценности немцев, имевшие европейское происхождение – частную собственность, индивидуализм, вековые традиции хозяйствования и жизни, религию и тесно связанную с ней народную культуру. Настойчивость и жесткость, с которой сталинский социализм начал внедряться в повседневную жизнь, не оставляли немцам никаких надежд на будущее. Поэтому в их среде всё больше распространялось и укреплялось мнение, что спасти себя они могут лишь одним: покинув пределы СССР, эмигрировав в Германию, Америку, в любую другую страну, где никто не будет покушаться на их привычный уклад жизни. Эмиграционное движение в АССР немцев Поволжья, в отличие от других регионов проживания немецкого населения в СССР, не получило развития, т. к. еще в зародыше было подавлено репрессиями. Подробнее об этом см.: *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев России. М., 2005. С. 340–345.

⁶⁰ Окротдел – окружной отдел. В 1930 г. АССР немцев Поволжья входила в Нижневолжский край, который делился на округа. В данном случае речь идет о Камышинском округе и Камышинском окружном отделе ОГПУ.

Образец для цитирования:

Герман А. А. Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 407–416. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-407-416.

Cite this article as:

German A. A. On the History of Peasant Resistance to Collectivization in the Saratov Volga Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 407–416 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-407-416.
